

Марико Мохамед Ламин, преподаватель-исследователь,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Сложность текста в русских и английских политических документах: тексты ООН

Аннотация: в данном исследовании рассматривается сложность параллельных текстов политических документов – текстов Организации Объединенных Наций – на русском и английском языках. Цель исследования – выявить различия в уровне сложности текстов ООН на основе двух параметров – лексической плотности и лексического разнообразия (*TTR*). Мы создали корпус из порядка 40 000 слов, ограничив количество слов в выборке до 1000 в каждом из 40 текстов (20 текстов на русском и 20 текстов на английском языке). Для анализа языкового материала были использованы программы *TextInspector* и *Rulingva*, а также сопоставительный анализ. Результаты исследования показали, что лексическая плотность русских текстов ООН варьируется от 67 до 71, что означает, что русские тексты ООН превосходят английские по лексической плотности; лексическая плотность английских текстов ООН варьируется от 38,97% до 45,09%, что объясняет меньшую информативность текстов и, следовательно, может влиять на их сложность. Лексическая плотность английских текстов ООН определяется как менее плотная, в отличие от плотности русских текстов ООН. Лексическое разнообразие (*TTR*) русских текстов ООН варьируется в диапазоне от 0,6 до 0,62, а английских текстов ООН – в диапазоне от 0,36 до 0,43, что позволяет говорить о более высоком уровне вариации. В заключительной части работы мы пришли к выводу, что между русскими и английскими текстами ООН существует небольшое различие по параметрам лексического разнообразия (*TTR*), т.е. тексты содержат некоторое количество повторов, что может способствовать лучшему их пониманию. Кроме того, оба параметра могут служить предикторами при исследовании сложности русских и английских текстов ООН.

Ключевые слова: русские тексты ООН, английские тексты ООН, лексическая плотность, лексическое разнообразие, сложность текста, политические документы

Для цитирования: Марико Мохамед Ламин Сложность текста в русских и английских политических документах: тексты ООН // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 8. С. 119 – 125.

Поступила в редакцию: 18 июля 2023 г.; Принята в доработанном виде: 16 августа 2023 г.; Одобрена для публикации: 5 сентября 2023 г.

Введение

Лингвистический анализ параллельных текстов ООН на основе русского и английского языков является одной из исследовательских ниш. Необходимость изучения сложности данных текстов определяется высокой значимостью межкультурной коммуникации и установления диалога между англоязычным русскоязычным миром.

Российская история изучения сложности текста берет свое начало более ста лет назад [2]. До начала 21 века исследователи в этой области были в основном изолированы и очень ограничены в своих возможностях из-за отсутствия вычислительных инструментов, способных хранить и обрабатывать большие массивы данных, а также отсутствия сбалансированных и репрезентативных корпусов. К счастью, в настоящее время наблюдается обратная тенденция: у нас есть доступ ко многим вычислительным инструментам, таким как *RuLingva* (<https://rulingva.kpfu.ru>); *TextInspector* (<https://textinspector.com>); *Reader Bench* (<https://readerbench.com/>) и т.д.

В современном языкознании текст рассматривается с точки зрения содержащейся в нем информации. Как продукт речемыслительной деятельности субъекта текст также является материалом для восприятия, интерпретации и т.д. На основании функциональных характеристик текста и интенций автора тексты классифицируются на повествовательные (например, романы, народные сказки), пояснительные (например, учебники, журнальные статьи), побудительные, (например, редакционные статьи, проповеди), или описательные [4].

Тексты могут читаться легко или сложно. Задача современных исследователей заключается в разработке объективных средств измерения сложности их восприятия и понимания.

В представленном исследовании русский и английский тексты ООН рассматриваются как публичные политические документы. Считается, что сложность понимания многих общедоступных политических документов слишком высока для большинства читателей. Например, юридические документы, в частности, трудовые договоры, не всегда полностью понимаются людьми их подписывающими. Исследователи ука-

зывают, что высокий процент непонимания у значительной части населения имеет место и при восприятии анкет, используемых во время опросов и даже переписи населения [7]. Надежность и валидность данных, полученных в результате этих опросов, снижаются, если вопросы содержат сложные слова, если имеют место неоднозначность, сложный синтаксис или содержание, чрезмерно нагружающее когнитивные ресурсы. От последствий такого рода ситуаций страдают и люди, и общество.

Стоит отметить, что русские и английские тексты ООН напрямую касаются прав человека, что делает их специфичными. Таким образом, эти тексты могут относиться к общедоступным документам или рассматриваться как юридические или политические документы.

В статье Е.В. Переверзева [11] исследуются проблемы изучения политических текстов в процессе реализации междисциплинарного подхода. Автор характеризует главные задачи, которые стоят на пути развития методологии качественных исследований профессионального дискурса в контексте гуманитарных наук. Целью решения этих проблем является применение авторской мультипараметрической модели политического дискурса, которая позволяет изучать этот феномен с учетом многообразия методологического инструментария междисциплинарной сферы. Описываемая модель представляет собой систему, в которой выделяют следующие параметры дискурса:

- теологический;
- онтологический;
- эпистемологический;
- лингвистический;
- текстовый;
- контекстуальный;
- коммуникативный.

Диагностика значений параметров приводит к оценке политических заявлений и текстов с целью их функционального и прагматического согласования. Основными функциями политических дискурсов являются информационная, инструментальная, нормативная, легитимирующая и предсказательная в свете властно-распределительных, запретительных, регулирующих и побудительных отношений.

В статье Н.А. Левковской [8] исследуется задача интерпритации политического текста, а также изучения особенностей влияния политического речевого воздействия в его опосредованной манифестации через СМИ. При этом исследователь основывается на том, что медиатекст на самом деле имеет ориентацию на адресата, а его роль в процессе коммуникации проявляется в диалогическом монологе. В работе анализируется функционирование социокоммуникативных моделей фрагмента. В работе исследуются три таких модели:

- 1) информационно-когнитивная;
- 2) эмоционально-экспрессивная;

3) риторическая и декларативная. Каждой модели соответствует своя функция, которая заключается в возможности повысить воздействующий характер политического текста и позволить говорящему или пишущему влиять на коммуникацию человека, воспринимающего текст. Информативно-когнитивная модель выполняет функции требования развития текста нарратива. Выразительно-эмоциональная модель выполняет следующие функции: включение адресата в имплицитный диалог, усиление эмоционального воздействия, порождение чувства страха. Риторикодекларативная модель связана с риторическим заданием, целью которого является донести до адресата необходимую для автора мысль в "неопределенной" форме. В работе проведен анализ на примере текста информационных и аналитических статей и политического эссе. Вторая модель в большей степени характеризует именно материалы информационно-аналитической статьи. Третья модель более характерна для политических эссе.

Согласно А.П. Чудинову [3], дискурс определяется как сложное для понимания текста информационное понятие. Дискурс в этом смысле выходит за рамки лингвистики, он является предметом исследований в различных областях, включая политическую лингвистику, лингвокультурологию и социолингвистику.

В рамках современной теории дискурса учитываются такие аспекты текста, как грамматика и прагматика, а также анализ установок, мнений коммуникантов, их социокультурной принадлежности и т.д. Кроме того, личностные характеристики носителей языка, такие как их намерения, чувства и эмоции, - все это представляет собой внеязыковые факторы, которые участвуют в процессе формирования и понимания дискурса. Исследователи утверждают, что одна сторона дискурса не только учитывает ситуацию, но и обращается к различным личностным и социальным характеристикам, которые могут быть антропологическими, лингвистическими и культурными. Что касается другой стороны дискурса, то она учитывает область мышления общающегося индивида, а также отражает внешний контекст.

Политические новости и научный дискурс обычно относятся к одному жанровому понятию. Следует отметить, что однозначное определение политического дискурса затруднено не только в силу его абстрактности, но и в связи с отсутствием однозначного термина "политика".

Одним из характеристик политического дискурса является интертекстуальность. В рамках такого дискурса разнообразные тексты оказываются взаимосвязанными, но эта интертекстуальность более сложна в смысле уникальности текста. В этом смысле текст может быть и неизвестным, и неуловимым, и труднодоступным для понимания цитат. Таким образом, интертекст стал целым элементом политического дискурса, то есть в политических выступлениях обычно используются фрагменты текстов тех же политиков.

Политический дискурс, как частное понятие, сопоставляемое с общим понятием, имеет коммуникативную сторону. Можно предполагать, что при общении говорящий преследует определенную цель. Эта цель заключается в том, чтобы быть понятым слушателем. Достижение этой цели основывается на некоторых параметрах, которые характеризуют как слушающих, так и говорящих. В процессе общения говорящий не только уделяет внимание языковым навыкам, но и старается учитывать такие характеристики слушателя, как поддержка, чувство симпатии, а также сочувствие. Кроме того, говорящий использует риторические и позиционные приемы с помощью интертекста, который может содержать цитаты из других текстов.

Поскольку интертекст имеет два аспекта, первый из них – это код, сокращающий притяжательные местоимения как "наш" и "их". Во втором случае интертекст рассматривается как предшествующий текст, который подтверждает все тексты, используемые говорящим, причем эти тексты могут быть как официальные, так и широко распространенные в том или ином социальном сообществе. В целом, можно сказать, что разнообразие интертекстов в политических текстах доказывает прагматическую характерность политического дискурса.

В качестве лексических элементов рассматриваются содержательные слова, а именно существительные, прилагательные, глаголы и наречия. В этом исследовании мы выбрали два параметра: лексическую плотность и лексическое разнообразие (*TTR*). Эти параметры были выбраны по двум причинам. Во-первых, большая часть ученых, таких как V. Johansson [8] и М.А.К. Halliday [5] утверждают, что именно эти параметры могут помочь определить сложность текста. Например, считается, что текст с высокой лексической плотностью легко понять. Напротив, текст с низкой плотностью понять труднее. Согласно М.А.К. Halliday [6], письменный язык имеет гораздо более высокую лексическую плотность. Вторая причина заключается в том, что наше исследование является сравнительным, поэтому для нас было крайне важно выбрать одни и те же параметры измеряемые при помощи *TextInspector* и *Rulingva*.

Поясним суть данных параметров. Термин «лексическая плотность» используется при анализе текста для описания пропорции знаменательных слов (существительных, глаголов, прилагательных и наречий) к общему количеству словоформ. V. Johansson [8]. М.А.К. Halliday [5] отмечают, что лексическая плотность является мерой плотности информации в любом отрывке текста в зависимости от того, насколько плотно лексические элементы (знаменательные слова) упакованы в грамматическую структуру. Знаменательные слова жизненно важны для объяснения информации.

Лексическое разнообразие (*TTR*) – измеряет, насколько разнообразен словарный запас языкового образца или текста. Высокий *TTR* указывает на высокую степень лексической изменчивости, тогда как низкий *TTR* указывает на обратное. Диапазон находится между значениями: теоретическим 0 (бесконечное повторение одного типа) и 1 (исключительное неповторение слов в корпусе). В ряде исследований принято представлять не абсолютные, но относительные метрики *TTR* (%), умножая соотношение на 100.

Материалы и методы

Для данного исследования мы использовали данные с сайта ООН (https://www.ohchr.org/en/ohchr_homepage), создав корпус, состоящий примерно из 40 000 словоформ. Выборки отдельных текстов ограничены по количеству слов до значения 1000 единиц в каждом из 40 текстов (20 текстов на русском и 20 текстов на английском языке) (табл. 1). Кроме того, мы выбрали два параметра (лексическая плотность и лексическое разнообразие) для определения сложности в русских и английских текстах ООН. Для определения этих параметров мы использовали два онлайн-инструмента (*Rulingva* и *TextInspector*).

Насколько нам известно, ни в одном из предыдущих исследований не рассматривались русские и английские тексты ООН. Поэтому мы ограничили наши выборки до 1000 слов, основываясь на аргументе D. Viber [1] о том, что корпус должен быть достаточно большим, чтобы адекватно представлять изучаемые характеристики. Например, при изучении лексики размер корпуса является наиболее важным фактором. Распределение словарного запаса, описывающее количество слов, не является линейным. Это происходит потому, что слова имеют тенденцию повторяться в корпусе, и чем больше корпус, тем больше повторяющихся слов в нем содержится. Например, мы можем найти 500 типов слов в тексте объемом в 1000 слов, но

очень маловероятно, что мы найдем 5000 типов слов в корпусе объемом 10000 слов, а найти 500000 типов слов в корпусе объемом 1 миллион слов будет невозможно. Следовательно, словарный запас имеет нелинейное распределение: по мере увеличения объема корпуса мы обнаруживаем лишь пропорционально небольшое увеличение количества новых типов слов.

Таблица 1

Русские и английские тексты ООН (лексическая плотность; лексическое разнообразие/TTR)

Тексты ООН на русский и английский языки	Лексическая плотность		Лексическое разнообразие (TTR)	
1	71,37%	38,97%	0,57	0,37
2	71,20%	44,13%	0,58	0,4
3	70,20%	42,52 %	0,59	0,4
4	69,29%	38,9 %	0,6	0,36
5	72,40%	43,57 %	0,53	0,4
6	71,11%	41,29 %	0,54	0,36
7	69%	38,39 %	0,54	0,37
8	69,70%	41,26 %	0,52	0,4
9	69,24%	43,38%	0,56	0,41
10	68,49%	39,72 %	0,57	0,35
11	69,42%	40,57 %	0,53	0,37
12	68,66%	42,77 %	0,51	0,41
13	71,05%	41,26%	0,55	0,39
14	67,12%	40,17%	0,56	0,38
15	74,65%	44,26%	0,56	0,38
16	69,61	39,3 %	0,6	0,33
17	71,02%	45,05 %	0,62	0,43
18	70,53%	41,53 %	0,61	0,38
19	71,14%	38,98 %	0,55	0,37
20	68,48%	45,09%	0,52	0,4

Наш вывод согласуется с результатами других исследований, проведенных в области сложности текста. В качестве ориентира мы приняли теорию J. Уге [12], согласно которой текст не является плотным, если он колеблется между значениями 41% и 50%; менее плотным текст считается, если он колеблется между значениями 51% и 60%; текст является плотным, если он колеблется от 61% до 70%; очень плотным, если он выше 70%.

Результаты исследования

В таблице, в которой мы привели выше, наглядно показано различие между русской и английской текстами ООН по параметру лексической плотности и лексического разнообразия (TTR). Первая строка указывает на количество текстов; второй ряд представляет лексическую плотность русских текстов ООН в сравнении с лексической плотностью английских текстов ООН в третьем ряду; четвертая строка содержит сведения о лексическом разнообразии (TTR) русских текстов ООН, а пятая строка отражает данные о лексическом разнообразии (TTR) английских текстов ООН. Как уже упоминалось, в этом разделе мы сравниваем и противопоставляем лексические особенности как русского, так и английского текстов ООН. Например, лексическая плотность русского текста 1 составляет 71,37%, что указывает на более высокую лексическую плотность по сравнению с английским текстом 1, который составляет 38,97%. С другой стороны, TTR русского текста 1 составляет 0,57 по сравнению с английским текстом 1, который составляет 0,38; оба они показывают более высокий TTR.

Основываясь на данных приведенной выше таблицы, мы можем предположить, что русские тексты ООН более информативны, чем английские тексты ООН, то есть первые содержат больше лексических единиц, чем последние, поскольку высокая лексическая плотность подразумевает, что автор мог использовать более разнообразный словарный запас для облегчения понимания.

Обсуждение

Наши результаты показали, что 2 параметра, выбранных в этом исследовании, т.е. лексическая плотность и лексическое разнообразие (*TTR*) могут служить предикторами при определении сложности русских текстов ООН. Во-первых, лексическая плотность варьировалась от 67% до 74%, что означает, что тексты являются лексически плотными, если мы обращаемся к теории, принятой J. Ure [12], который указал, что текст является плотным, когда показатель его лексической плотности выше 40%.

Во-вторых, мы рассчитали лексическое разнообразие (*TTR*). *TTR* Type-Token-Ratio – это измерение отношения, при котором количество типов (количество уникальных слов) делится на токены (общее количество слов). Этот расчет дает соотношение от 0 до 1, причем более высокое значение указывает на более разнообразный словарный запас в данной выборке Malvern и др. [10]. Таким образом, *TTR* в нашем исследовании колеблется от 0,56 до 0,62, что считается относительно разным, поскольку пропорция варьируется от 0 до 1. Теоретически *TTR* падает из-за характера языка и повторения функциональной лексики, такой как предлоги и артикли. Исследователь Malvern и другие связывают теоретическую причину этого наблюдаемого явления: «Когда мы добавляем дополнительное слово в языковую выборку, это всегда увеличивает общее количество слов, но увеличивает количество уникальных слов только в том случае, если это слово не использовалось ранее... Поэтому количество уникальных слов уменьшается по сравнению с общим количеством слов, и *TTR* неизбежно падает» [10, с. 22].

Как правило, тексты с меньшей лексической плотностью воспринимаются легче, а устные тексты имеют более низкий уровень лексической плотности, чем письменные тексты [12, 5]. Таким образом, автор мог использовать несколько синонимов с меньшим количеством повторений, что может повлиять на сложность.

Заключение

В заключение следует отметить важность данного исследования, поскольку в нем сделан вывод о том, что лексическая плотность, лексическое разнообразие (*TTR*) в сорока текстах ООН могут помочь определить сложность как русских, так и английских текстов ООН. Результаты показали, что большинство текстов являются плотными, т.е. их плотность превышает 40%, что, согласно положению теории J. Ure [12] о том, что если в тексте плотность выше 40%, то, вероятно, он содержит много информации. Чем больше информации в тексте, тем больше информации, тем больше понимания дает нам такой текст. В данном исследовании лексическая плотность русских текстов ООН варьировалась от 67 до 74, то есть русские тексты ООН очень плотные. Это предполагает, что автор использовал разнообразную лексику для передачи смысла, что может влиять на сложность. Для английских текстов ООН лексическая плотность варьировалась от 38 до 45%, что объясняет, что английские тексты ООН менее лексически плотные, чем русские тексты ООН. На основе анализа сорока письменных текстов (20 русских и 20 английских) было доказано, что лексическая плотность и разнообразие коррелируют со сложностью текста, так как метрики лексического разнообразия (*TTR*) отобранных текстов варьируется от 0,56 до 0,62 для русских текстов ООН и от 0,36 до 0,41 для английских текстов ООН, что означает, что тексты относительно плотные и разнообразные.

В целом мы использовали лексическую плотность и лексическое разнообразие (*TTR*) для определения сложности русских и английских текстов ООН. Хотя тексты ООН рассматриваются как политические тексты, мы поддерживаем точку зрения, что если лексическая плотность и лексическое разнообразие (*TTR*) используются многими учеными [8, 12] для определения сложности академических текстов, то их можно адаптировать и для измерения сложности русских и английских текстов ООН, как это сделано в данном исследовании.

Литература

1. Biber D. Methodological issues regarding corpus-based analyses of linguistic variation // *Literary and Linguistic Computing*. 1990. Vol. 5. Iss. 4. P. 257 – 269.
2. Choldin M.T. Rubakin, Nikolai Aleksandrovic. In A. Kent, Lancour H., Nasri W.Z. (Eds.) *Encyclopedia of library and information science* // Boca Raton, FL: CRC Press. 1979. P. 178 – 179.
3. Chudinov A.P. *Metaphorical mosaic in modern political communication: Monograph* / Ural State Ped. Communication: Monograph / Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2003. 248 p.
4. Fang Z. The language demands of science reading in Middle School // *International Journal of Science Education*. 2006. № 28. P. 491 – 520.
5. Halliday M.A.K. *Spoken and written language*. Geelong Victoria: Deakin Univ. Press, 1985. 109 p.
6. Halliday M.A.K. *Some Grammatical Problems in Scientific English*. *Writing science: literacy and discursive power*. London: The Falmer Press, 1993. P. 76 – 94.

7. Pentimonti J.M., Zucker T.A., Justice L.M. et al. Informational text use in preschool classroom read-alouds // *The reading teacher*. 2010. Vol. 63. P. 656 – 665.
8. Johansson V. Lexical diversity and lexical density in speech and writing: a developmental perspective // *Working papers*. 2008. Vol. 53. P. 61 – 79.
9. Levkovskaya N.A. Diological aspect of political discourse // *Linguistics & Polyglot Studies*. 2020. № 21. P. 28 – 33.
10. Malvern D., Richards B., Chipere N. et al. *Lexical diversity and language development: quantification and assessment*. Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2004. 288 p.
11. Pereverzev E.V., Kozhemyakin E.A. Political discourse: a multi-parameter model // *Vestnik of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication*. 2008. № 2. P. 74 – 79. Bibliography: p. 79.
12. Ure J. Lexical density and register differentiation // *Applications of linguistics: selected papers of the Second International Congress of Applied Linguistics (Cambridge 1969)* / ed. G.E. Perren, J.L. M. Trim. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. P. 443 – 452.

References

1. Biber D. Methodological issues regarding corpus-based analyses of linguistic variation. *Literary and Linguistic Computing*. 1990. Vol. 5. Iss. 4. P. 257 – 269.
2. Choldin M.T. Rubakin, Nikolai Aleksandrovic. In A. Kent, Lancour H., Nasri W.Z. (Eds.) *Encyclopedia of library and information science*. Boca Raton, FL: CRC Press. 1979. P. 178 – 179.
3. Chudinov A.P. *Metaphorical mosaic in modern political communication: Monograph*. Ural State Ped. Communication: Monograph. Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2003. 248 p.
4. Fang Z. The language demands of science reading in Middle School. *International Journal of Science Education*. 2006. № 28. P. 491 – 520.
5. Halliday M.A.K. *Spoken and written language*. Geelong Victoria: Deakin Univ. Press, 1985. 109 p.
6. Halliday M.A.K. *Some Grammatical Problems in Scientific English*. *Writing science: literacy and discursive power*. London: The Falmer Press, 1993. P. 76 – 94.
7. Pentimonti J.M., Zucker T.A., Justice L.M. et al. Informational text use in preschool classroom read-alouds. *The reading teacher*. 2010. Vol. 63. P. 656 – 665.
8. Johansson V. Lexical diversity and lexical density in speech and writing: a developmental perspective. *Working papers*. 2008. Vol. 53. P. 61 – 79.
9. Levkovskaya N.A. Diological aspect of political discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2020. № 21. P. 28 – 33.
10. Malvern D., Richards B., Chipere N. et al. *Lexical diversity and language development: quantification and assessment*. Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2004. 288 p.
11. Pereverzev E.V., Kozhemyakin E.A. Political discourse: a multi-parameter model. *Vestnik of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication*. 2008. № 2. P. 74 – 79. Bibliography: p. 79.
12. Ure J. Lexical density and register differentiation. *Applications of linguistics: selected papers of the Second International Congress of Applied Linguistics (Cambridge 1969)* / ed. G.E. Perren, J.L. M. Trim. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. P. 443 – 452.

*Mariko Mohamed Lamin, Teacher-Researcher,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Complexity of the text in Russian and English political documents: UN texts

Abstract: this study examines the complexity of Russian and English political documents, more specifically the texts of the United Nations.

The purpose of the study is to make an attempt to determine the complexity of Russian and English UN texts using two parameters – lexical density and lexical diversity (*TTR*). *Materials and methods* include the texts of the United Nations by utilizing *Textinspector* and *Rulingva* to compute them. We created a corpus of approximately 40,000 words by limiting the samples to 1,000 words in each of 40 texts, i.e., 20 texts in Russian and 20 texts in English. The findings showed that lexical density of Russian UN texts varied between 67 and 71, which implies that Russian UN texts are higher than English UN texts in terms of lexical density; that is, lexical density of English UN texts varied between 38.97% and 45.09%, which indicates that the texts are less informative and therefore may impact complexity. As a result, lexical density of English UN texts is categorised *less dense* in contrast to Russian UN texts which is *dense*. Lexical diversity (*TTR*) of Russian UN texts varied between 0.6 and 0.62 and English UN texts varied between 0.36 and 0.43, which indicates higher degrees of variation. *In conclusion*, we have found that there is a slight difference between Russian and English UN texts in terms of lexical diversity (*TTR*); that is, the texts contain a number of repetitions which may facilitate comprehension. Besides, both parameters could serve as predictors when investigating the complexity of Russian and English UN texts.

Keywords: Russian UN texts, English UN texts, lexical density, lexical diversity, text complexity, political documents

For citation: Mariko Mohamed Lamin Complexity of the text in Russian and English political documents: UN texts. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (8). P. 119 – 125.

Received: July 18, 2023; Revised: August 18, 2023; Accepted: September 5, 2023.